

— Простите! Простите! Ужасно перед всеми вами неудобно, уважаемые старшие! Вчера мне в последний момент дали подработку, поэтому я не смог прийти на встречу! Опоздал на целый день! Безумно виноват, — молодой парень в гримерке продолжал кланяться и извиняться. Только что он подходил к главной и второй героиням, но, заметив, что никто на него не реагирует, так и стоял согнувшись. — Это клубничный торт фирмы Н, который я специально привез! Надеюсь, он вам понравится, старшие!

Атмосфера была тихой, как стоячая вода. Двое менеджеров, больше не вынеся этого зрелища, приняли коробку с тортами, словно горячую картошку, и бережно подняли парня, усадив его на диван.

Ци Цин, похоже, просидел за играми всю ночь и сейчас спал мертвецким сном, кривовато устроившись в кресле для макияжа.

Состояние Цинь Аньюя было еще хуже. Мало того что он лег поздно вчера, так сегодня его еще и разбудили насильно. Из-за утреннего недосыпа у него было выражение лица какой-то вяленой рыбы. Сяо Ань про себя даже подумал: не слишком ли сильно это рушит созданный образ? Стоило бы просто дать ему посидеть с закрытыми глазами, но у его подопечного слишком тяжелый характер по утрам, так что совладать с этим никак не получалось.

Оба менеджера переглянулись и, поникнув словно побитые морозом баклажаны, посмотрели друг на друга и тяжело вздохнули.

Когда Цинь Аньюй окончательно пришел в себя, ему уже полностью нанесли грим. Только после этого Су Сюньян смог с ним заговорить.

У Су Сюньяна прическа и макияж были проще, поэтому его вызвали на стилизацию раньше. Цинь Аньюй только что вернулся после съемок фотосессии и сидел на краешке дивана, отдыхая, а рядом с ним находился Ци Цин, которого притащили сюда силой, чтобы взбодрить.

Юноша сонный, с затуманенным взором, сонно потер глаза — вид у него был такой, будто он только что проснулся. Волосы все еще торчали во все стороны, несколько прядей забавно задорно топорщились. Без укладки он казался еще более тискательным.

Молодой господин полуприкрыл глаза, но тяжелеющие веки никак не слушались, хотя он и упрямо пытался их приподнять. Веки подрагивали, и, судя по всему, он проголодался: взяв со стола клубничный торт, он тут же принялся за него.

Ел юноша вовсе не некрасиво — интеллигентно, аккуратно разрезая лакомство ложечкой на крошечные кусочки.

Мягкий бисквит в сочетании со сладким кремом, спелая клубника, источающая свежий блеск и неповторимый нежный аромат... Торт казался слегка охлажденным, крем приятно покалывал язык легкой прохладой, таял во рту, а шелковистая текстура заставляла юношу довольно

причмокивать.

Взгляд все еще оставался затуманенным, словно он продолжал пребывать во сне, но действовал он безошибочно: стоило крему испачкать уголок губ, как он тут же с точностью слизал его. Его щеки порозовели, напоминая красивую клубничку на вершине торта, и казалось, что он целиком окутан аурой безмятежного счастья.

— Сладкий? — раздался у самого уха чистый, звонкий голос. — Сладкая.

Возможно, потому что он только что проснулся, голос юноши звучал мягко и нежно, с ленцой.

Алое личико, мягкий голос, а вид спросонья такой послушный.

Кажется, если сейчас протянуть руку и погладить его по волосам, он даже не станет возражать.

Взгляд Цинь Аньюй чуть сместился с макушки юноши, а только было приподнятая рука слегка опустилась и тихонько сжалась в кулак на диване.

— Учитель Цинь, пойдемте менять второй образ. Гардеробная уже готова, — позвал кто-то из сотрудников.

Цинь Аньюй отозвался, но, поднимаясь, оглянулся на юношу на диване — тот совсем не выглядел полностью проснувшимся.

Когда Цинь Аньюй ушел по зову, Ци Цин доел последний кусочек клубничного торта. Подкрепившись сахаром, он прояснил разум чуть больше чем наполовину, но стоило ему поднять голову, как во взгляде вновь мелькнуло недоумение: прямо перед ним стояла целая и невредимая коробочка с клубничным тортом.

Эээ?! Разве он только что ее не съел, откуда взялась эта коробочка? Юноша посмотрел на обертку в своей руке, а затем на целый торт перед собой — ему казалось, что он еще не до конца очнулся.

Впрочем, для взрослого мужчины ростом метр семьдесят три одного кусочка клубничного торта и правда было мало, чтобы наестся...

В глазах, снова устремленных на торт, так и сверкали искорки.

Цинь Аньюй только закончил снимать вторую серию кадров, как услышал доносящийся неподалеку шум, нарастающий подобно волнам. Изящный, словно вырезанный из фарфора молодой господин уже стоял перед ним. Благодаря макияжу и костюму Ци Цин казался еще более юным, чем обычно.

На нем было роскошное парчовое одеяние, а превосходная ткань переливалась и мерцала под лучами солнца. Золотые и серебряные нити тонко вырисовывали узор парящих облаков и диких гусей, придавая наряду живой блеск. Черный шелковый пояс, туго затянутый на талии, подчеркивал тонкую талию молодого господина, а пряжка была инкрустирована сияющими драгоценными камнями — круглыми, гладкими и переливающимися всеми цветами радуги, словно звезды, усеявшие ночное небо.

На нем все это смотрелось совершенно естественным образом, выдавая в нем гордого гения из

знатной семьи, чей нрав при этом ничуть не уступал благородству ученого книжника.

— На что смотришь? — Ци Цин почувствовал, как от изучающего взгляда Цинь Аньюя у него по спине пробежали мурашки, а лицо пылало так, словно его обожгло.

— Смотрю, как ты красив.

Чистый и прохладный голос прозвучал вновь, словно торпеда, угодившая прямо в только что успокоившуюся гладь сердечного моря. Температура стремительно подскочила, и казалось, что он весь пылает.

Мужчина улыбался соблазнительной улыбкой, а форма его губ была невероятно красивой. Губы имели нежно-розовый оттенок, и если бы цвет был чуть насыщеннее... Румянец сплошной волной залил шею и поднялся до самых мочек ушей. Он не просто походил на спелое яблоко...

Скорее на захмелевшего речного рака, — подумалось Цинь Аньюй.

Сам Цинь Аньюй в этот момент словно воплотился в образе избалованного молодого господина из богатой семьи — изысканный и утонченный, облаченный в длинный халат из шелка. Пусть тот и уступал его собственному роскошному наряду, сверкавшему золотом и серебром, но пуговицы-узелки из серебряной нити и вышитые на камзоле стебли бамбука, хризантемы, сливы и орхидеи придавали ему неповторимый шарм.

В глазах режиссера и оператора разворачивающаяся сцена выглядела точь-в-точь как первая встреча Дун Сяньлиня и Чэнь Цайюня у ворот академии.

Вот только юный господин в роскошных одеждах выглядел так, будто у него скверный характер, и сейчас он все еще сердито надувал личико. Впрочем, румянец на щеках заметно поблек — похоже, он уже взял себя в руки.

— Ну и ладно! Ты тоже красивый, — юноша явно вознамерился ответить ударом на удар.

Но Цинь Аньюй остался невозмутим и непринужденно парировал:

— Что ж, благодарю.

Ожидаемой бурной реакции, как у него самого, не последовало, отчего уши запылали еще сильнее.

Парень недовольно фыркнул и под руководством персонала встал под лучи прожекторов. Слепящий свет обрушился на него; серебряные нити, шелк и украшения на поясе заиграли бликами. Свет падал на длинные ресницы юноши, отбрасывая мягкую тень на глаза, а резкий контровой свет вылепил контуры его лица, словно стремясь высечь их из камня.

Парень с холодным взглядом слегка повернулся к нему. Прислонившись к стене съемочного павильона, Цинь Аньюй заметил его и дружелюбно поприветствовал, приветственно взмахнув рукой.

— Пф, — ослепительный юноша презрительно фыркнул, отвернулся и сделал вид, что не замечает его.

Это мгновение запечатлела камера, и оператор радостно произнес:

— Только что атмосфера была просто потрясающая, продолжайте в том же духе.

— Ци Цин, дорогой, в дальнейших кадрах всё же нужно передать эту детскую наивность и беззаботность, не ходи с таким каменным лицом, — командовал оператор, не опуская камеры.

Цинь Аньюй стоял в стороне, находя происходящее весьма забавным. Он заметил, как Ци Цин упер руки в боки и чуть слышно вздохнул, будто настраиваясь на что-то.

В следующее мгновение его веки слегка дрогнули, а руки чуть заметно потеряли твердость.

Уголки губ юноши изогнулись в озорной улыбке, холод во взгляде растаял, словно весенний лед, а в глазах заплескались искорки звезд — казалось, сквозь них пробиваются лучи солнца, озаряя всё вокруг ослепительной улыбкой. Он словно само солнце, ярко вспыхнувшее в объективе камеры.

Юноша, кажется, снова обратил на него внимание. Во взгляде не было никаких лишних эмоций — чистом и ясном, подобном необработанному нефриту. Улыбка немного увяла, но не исчезла до конца, напоминая непосредственного ребенка. Стоило встретиться с этим лучистым взглядом, как сердце трепетало, а тело каменело на мгновение.

Живой и подвижный взгляд юноши мгновенно уловил эту перемену. Тот тут же усмехнулся, и в глазах промелькнуло торжество. Словно щенок, задравший хвост от гордости под восхищенные возгласы оператора, он безудержно вилял им перед самым его носом, высоко задрав подбородок и демонстрируя свою победную позу.

И хотя Цинь Аньюй прекрасно понимал, что над ним насмеются, злиться на это почему-то было совершенно невозможно.

Молодой господин был полон задора и энергии, чувства его были чисты и капризны, а пусть и незрелый ум сочетался с безупречной внешностью. Выглядел он донельзя смышленным и живым, вызывая искреннюю симпатию.

Оператор чутко уловил взгляд юноши и, проследив за ним, заметил прислонившегося к стене Цинь Аньюя:

— Учитель Цинь еще не ушел? Как удачно! Не могли бы вы сняться с Ци Цин в парной сцене? У вас просто невероятная химия.

Благородный ученый и избалованный молодой господин встретились взглядами; чуть приподняв брови, тот с улыбкой ответил:

— С удовольствием.

Дун Сяньлинь — человек благородный, из семьи потомственных книжников, мягкий и скромный, неизбежно скованный рамками традиций и догм, у него даже осанка и манера сидеть подчинены строгим правилам. Чэнь Цайюнь совсем другой: отец — выходец из купеческого сословия, а сам он по уму сущий ребенок. Если не заглядывать в паспорт, перед нами просто чистый, наивный, избалованный в своих выходках юный господин.

И вот такие двое впервые встречаются у ворот академии. Чэнь Цайюнь сходит с кареты и видит у входа утонченного Дун Сяньлиня; дерзкий парень подбегает к нему, напрочь выбивая почву из-под ног правильного юноши.

Лицо юноши озаряет сияющая улыбка, а его лучистые глаза, будто источающие свет, не отрываясь, смотрят прямо на него.

А затем...

— Братец, а ты хорош собой, — звонко и отчетливо произносит юноша. — Как насчет того, чтобы пойти со мной домой?

Цинь Аньюй на секунду замер. В тот самый момент, когда стоящий напротив парень произносил свою реплику, свет софитов скользнул по его макушке, словно пробегающие блики на воде. Улыбка юноши была дерзкой, в манере сквозила легкая легкомысленность, но глаза при этом оставались чистыми и наивными.

Он мысленно отдал должное проницательности режиссера Вана при кастинге.

В его доселе спокойном сердце поднялась рябь, на лице отразилась легкая растерянность, но многолетняя привычка держать себя в руках помогла сохранить внешнее хладнокровие и сдержанность. Лишь чуть сдвинутые брови выдавали то смятение, что бушевало в душе.

Все находившиеся в павильоне сотрудники затаили дыхание, наблюдая за этой сценой. Чжао Суюань, сопровождавшая режиссера Вана, тоже обратила внимание на их игру и мягко улыбнулась. Обменявшись с Чжао Суюань понимающими взглядами, она медленно кивнула.

<http://bllate.org/book/21461/2194665>